

АЛЕКСЕЙ ИВИН

Рецензистика

ТОМ 1

Алексей Ивин

Рецензистика. Том 1

«Издательские решения»

Ивин А.

Рецензистика. Том 1 / А. Ивин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831340-0

Собраны книжные рецензии 1978—2016 годов, опубликованные в бумажной периодике и в электронных журналах. Оценены сотни авторов и их произведений, сотни и даже тысячи других — упомянуты внутри рецензий. Мультиплицированное чтение, что-то вроде каталога с комментариями, вполне в духе новых информационных технологий. Рецензент почти везде выражался совершенно свободно и образно.

ISBN 978-5-44-831340-0

© Ивин А.

© Издательские решения

Содержание

1. Уроки истории (истоки и перспективы)	6
2. Сражался на Западе и на Востоке	8
3. Уроки земства	11
4. Хронограф	15
5. На берегах Днестра	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Рецензистика Том 1

Алексей Ивин

© Алексей Ивин, 2018

ISBN 978-5-4483-1340-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Уроки истории (истоки и перспективы)

***Олег Финько, «Егорьевские были», библиотека
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», №44, 1983 г.***

Можно много спорить, но от исходных истин никуда не уйти. А исходная истина в данном случае заключается в том, что есть два типа писателей. Одни из них пишут на основе самопознания, интроспекции, неустанно изучают себя, свой внутренний мир и законы внешнего мира выстраивают по аналогии с миром внутренним. Другие – открыты навстречу объективной действительности, их не слишком занимает собственное «я», зато чрезвычайно интересуют окружающие люди, их характеры, плоть жизни. Разумеется, это разделение целиком условно, и речь может идти лишь о преимущественной писательской установке: у Бунина не все проникнуто гармонией целостного чувственного восприятия, и у Достоевского не всё подвергнуто беспощадному мыслительному анализу.

Олега Финько можно с уверенностью отнести к писателям-«объективистам», склонным к панорамному, эпическому изображению действительности. Без большого труда угадываются литературные истоки его творчества, традиции, которые он продолжает, характерные черты «школы», которая уже пройдена, литературные пристрастия. Своеобразный жизнелюбивый стоицизм, свойственный, например, творчеству М.А.Шолохова, замечен и в первой книге Олега Финько.

В ней всё подчинено одной цели – созданию жизненной панорамы: композиция, при которой каждый рассказ идейно и сюжетно подчинен развитию общей темы; постоянные герои, судьбы которых прослеживаются и характеры которых типизируются на протяжении всей книги; точно определенное место действия – районный городок Егорьевск. И наконец, самый стиль повествования – последовательно обстоятельный, конструктивный, содержательно емкий, предметно изобразительный, динамичный. Динамичный потому, что герои действуют и взаимодействуют. Такая проза с удовольствием читается, особенно если она остро конфликтна. А надо сказать, что Олег Финько любит конфликт и его возможности, любит сталкивать героев, движимых взаимной любовью или ненавистью. Да и какой может быть мир в городе, оккупированном немцами? В душах людей, подвергнутых жесточайшему испытанию?

Безусловно, автор, а с ним и читатель, отдает предпочтение тем людям, которых сплотила общая беда, которые, как Генка или Нина Павловна в рассказе «Собачья смерть», сопротивляются расщепляющему воздействию оккупации; только благодаря этому неусыпному сопротивлению они способны сохранить целостность натур и веру, безмерное терпение, которое в конце концов – по закону количественных накоплений – переходит в ярость и месть. В то время как завоеватели морально деградируют, поработанные сплываются для борьбы и изгоняют их. Таков неизбежный исход любого завоевания и подчинения, какими бы цивилизаторскими целями они не прикрывались. И в жизни Егорьевска, в судьбах его жителей отразились перипетии всенародной борьбы – попятное движение и отчаяние, момент равновесия, а затем наступление и победное торжество.

Но егорьевские были свидетельствуют не только о тех, кто выжил или с честью погиб, они свидетельствуют и о тех, кто не выдержал испытаний, душевно расщепился, погиб бесчестно. Иначе они не содержали бы всей правды о войне и жизни как она есть. Среди жителей Егорьев-

ска оказались и такие, которые преходящие, чуждые русскому человеку порядки вермахта приняли за вечные. Писатель молодой, но серьезный, Олег Финько исследует и этот тип людей – мимикрирующих, приспособливающих, утративших веру в себя и в социальную справедливость. В рассказе «От щедрот своих» исследована парадоксальная ситуация: предательство по добродушию. Вера Чулина не способна возмущаться и ненавидеть; она любит и жалеет всех, без разбора; для нее все равны – любопытная черта! – все одинаковы, поэтому, когда советский госпиталь занимают немцы, она остается в нем работать; впрочем, не поэтому – по недоразумению. Она всё ищет любви и тепла, всё пытается обогреться, даже возле врагов. Возможно ли? Писатель отвечает: да, было и такое, и этот человек, мало того, что сам попадает в двусмысленное положение, – он, к тому же, наказан презрением с обеих сторон за то, что в нем не хватило нравственных сил – выбрать. А выбор неизбежен, не только на войне, но и в мирной жизни. Всегда.

Исследуя феномен двойничества, автор в последних рассказах затрагивает тему, слишком сложную для того, чтобы говорить о ней в короткой рецензии, но, на мой взгляд, как раз в этих рассказах он выходит на тот уровень обобщений, который дает основания судить о нем как о талантливом человеке. Потому что вряд ли можно считать простым совпадением возникающую подчас переключку между образами Игната Гумилева и, скажем, Григория Мелехова, Клима Самгина или распутинского Гуськова, – людей, обделенных любовью сограждан. Следовательно, наблюдается и отображена определенная закономерность, связь...

В Егорьевске все друг друга знают: заштатный городок. После прочтения «Егорьевских былей» и у читателей возникает ощущение, что он встретился со старыми знакомыми. Впрочем, в том и состоит особенность художественного творчества – в неотразимом воздействии концентрированной жизни: ведь действительная жизнь, пожалуй, более буднична, разбавлена. Книгу закрываешь, во-первых, благодарный автору за прямую и честную прозу, а во-вторых, с легким сожалением, обращенным, может быть, не столько к нему, сколько в наш общий надеждам и ожиданиям... Безусловно, повествование связано с современностью; безусловно, эти связи достаточно четко прослеживаются, все-таки... Все-таки есть ощущение известного самоограничения – историческим ли материалом или обстоятельствами, добровольно взятыми автором на себя... Потому что ближайшая современность, тот самый Генка, который в оккупированном Егорьевске клеил неумелые листовки, а теперь вырос, возмужал, – они ведь тоже ждут и даже требуют изображения. А изобразительные возможности, которые демонстрирует автор уже в первой своей книге, более чем достаточны, чтобы начать исследование современности, ее проблем, ее конфликтов. Уверен, что после успешного дебюта такое исследование будет предпринято Олегом Финько в следующих книгах.

А. ИВИН

(опубликовано в газ. «Московский литератор» за 1983 г.)

2. Сражался на Западе и на Востоке

Военные дороги **Анатолия Андреевича МОСКОТИНА** провели его из центра Азии, из Талды-Курганской области Казахстана, сперва к берегам Балтийского моря, а потом и к Охотскому, на озеро Ханка. Отец его был мастер на все руки: печник, плотник, бондарь, – и восемь человек детей; к тому же, прежде побывал на финской войне, и к началу Великой Отечественной у него имелась бронь. Для голодных и разутых детей здешняя жизнь показалась сытнее, в колхозе, где он работал по договору, а потом и у военкомата, для которого гнул военные брички (точнее, самые короба бричек, потому что ободья затягивали уже не в одиночку), он был человек необходимый.

Анатолий проявлял покладистость, пока не было известий от старшего брата Александра, который ушел, а точнее сбежал на войну добровольцем. Но вот от него было получено письмо, и в нем Саша учил Анатолия: «Если пойдешь в армию, иди только в разведку». Таким образом отец с матерью узнали, где их старший сын, а Анатолию запала мысль тоже уйти на фронт добровольцем.

Отец был человек полезный для военкома, но у начальника военного стола при сельсовете была разнарядка, потому что молодые казахи разбежались по степи и призывать было некого (в 1943 году). Он прислал Анатолию повестку, мать напекла мешок подорожников, но в городе военком забраковал подростка: «Молод еще. Поди помогай отцу».

И так повторялось три раза. Анатолий Москотин был парень небольшого роста, но крепкий. И военком сдался, хотя и отец и сын были ему нужны внутри района. Прошел медицинскую комиссию, записали новобранцем, но повезли сперва мимо Алма-Аты на Дальний Восток, а уж оттуда – в Башкирию, в учебный лагерь Алкино-2. На дворе стоял уже 1944 год.

Парень стремился добровольцем на фронт, а его определили в земляной лагерь на двухъярусные нары учиться на младших командиров. Надо сказать, у Анатолия были основания: и характер боевой, и образование все-таки 6 классов – по тем временам достаточное.

Судьба и добрые военачальники, видно, оберегали зеленого юнца от напрасных ударов и испытаний, потому что, когда через какое-то время капитан Лапинский сформировал маршевую роту для отправки на фронт, младшего сержанта Москотина в списках опять не оказалось. «А я?» – спросил он у капитана. «А ты здесь будешь командовать отделением. Разве плохо?» – «Я убегу». – «Убежишь – поймем и расстреляем как дезертира» – «Какой же я дезертир, если я на фронт хочу, а вы не пускаете».

Воротясь в казармы, младший командный состав даже плакал с досады на начальство. Уговорила капитана его супруга, а то, может, так и не нюхал порошу. Отпустил.

Опять погрузились в вагоны и опять поехали – на сей раз уж точно на фронт. Третий Белорусский фронт, район Восточной Пруссии. Кенигсбергский укрепленный район.

От полка, который пополняли новобранцами, остались 63 человека. Командир полка подполковник Янбахтин, по национальности башкирец, сам среди вновь прибывших искал разведчиков. Анатолий был самый молодой среди них, но определен командиром, потому что

проходил обучение в специальном лагере. Договорились так: если нет начальства, он для них «сын», если есть – «товарищ старший сержант».

Служба разведчика известна: группа захвата, группа обеспечения, группа прикрытия. Если нужны документы, глушат часового, врываются во вражеский блиндаж, хенде-хох, сгребают бумаги со стола, а напоследок – лимонку под стол.

Но если без шуток, под Кенигсбергом было много страшного, чего словами не расскажешь. Многометровые толстые стены цитадели, рвы, наполненные водой, а в конце осады – трупами наших солдат и взрывчаткой, которую они натаскали на своем горбу. Наши самолеты беспрерывно бомбили укрепления немцев, но из амбразур также беспрерывно поливали нас свинцом, и ни о каком штурме не могло быть и речи, пока не замолчат пулеметы. Армией, которая напирала на Кенигсберг с севера, командовал А.В.Василевский.

Там такая местность, на этом участке, что подобраться нет никакой возможности. Потому, должно быть, и называлась у немцев укрепрайоном. И Москотин подал своему непосредственному начальству, которое недоумевало, как же все-таки подавить огневые точки врага, отличную мысль: вывести на огневой рубеж наши «сорокапятки» и противотанковые ружья и одновременно выстрелить по амбразурам. Секрет был именно в прицельности стрельбы по этим щелям, потому что бомбежка с воздуха результатов не давала. И действительно, доты замолчали, Москотин стал на несколько дней известным человеком. По трупам, которыми были заполнены рвы, удалось подорвать стену, в проломы пошла пехота, а 11 апреля 1945 года город Кенигсберг был взят.

«С тех пор 11 апреля я каждый год отмечаю. Наравне с Днем Победы», – сказал Анатолий Андреевич.

После тяжелейшей осады Кенигсберга были Пилау, Бреслау и наконец Берлин.

Оттуда весь Второй Белорусский фронт погрузили в эшелоны и отправили домой. Но это они, воины-победители, думали, что домой. Часть, действительно, вернулась домой, а Анатолий Москотин с друзьями встречали день Победы на какой-то случайной сибирской станции, по пути на Дальний Восток.

Помните, он туда не доехал в 43 году? Вот, теперь поехал на самом деле – на Дальний Восток воевать против японцев и хунхузов. Вся Манчжурия и уссурийская тайга были наводнены оккупантами.

9 августа после мощной артподготовки (а она началась в полночь) к утру наши войска двинулись на укрепления японцев, но в дзотах уже не было ни одного самурая. Там тоже была бойня. Но уже скорее со стороны японцев. Они посадят своих солдат по вагонам, запрут их, а тут налетит наша авиация – и давай бомбить. Кровь текла из вагонов, как на скотобойне какой. В районе города Муданьцзян японцы оказали самое ожесточенное трехсуточное сопротивление, а потом война на китайской территории пошла на убыль. Наше подразделение шло до Харбина. Хороший город: чистый, красивый.

На этой войне, на японской, его и ранило: сапер дядя Ваня разминировал проход («фарватер», как говорилось тогда) и их предупредил: «Смотрите, ребята!» – но разведчики не убереглись: товарищу оторвало ногу, а Москотина ранило в позвоночник. Комиссовали по второй

группе инвалидности, мало-помалу оклемался после медсанбата, а с 1949 года стал и работать. Старший брат Александр, который советовал в разведчики идти, вернулся с фронта тоже калекой...

Анатолий Андреевич Москотин хороший рассказчик, и некоторые его рассказы, причем из личного опыта, могли бы послужить основой увлекательного фильма. Он, например, рассказывал такую историю. На китайской территории, возле города Цзиси наш гарнизон трижды попадал в окружение. Те самые люди, с которыми разведчик воевал на западных рубежах, – командир полка Янбахтин, подполковник Гуть, подполковник Смирнов, – они участвовали и в этом наступлении. Однажды по тревоге были подняты и отправлены три автомашины с бойцами, а поскольку повторялись такие тревоги часто, комполка в суматохе рации на сей раз не взял. А дело к ночи. Машины въехали в котловину в окружении сопков, и со всех сопков, как осы на сладкое, на наших солдат устремились хунхузы. Связи нет. Комполка вызвал своего адъютанта и разведчика Москотина, экипировал их соответственно: гранаты, финки, автомат, – и сказал им: «Ребята! Доберитесь до гарнизона во что бы то ни стало и по тревоге поднимите его нам на выручку. Иначе нам не отбиться. Вдвоем вы проскочите!»

Смельчаки действительно перевалили сопку, но тут, уже в виду городских огней, лейтенанта ранило. Дальше Анатолий Москотин добирался один, оставив лейтенанту боеприпасы и бушлат. А мороз был довольно сильный, и лежал слой снега. Но добежал-таки до блиндажа, где сидели командиры полка... 10 танков, «катюши», гарнизонные солдаты – все были подняты по тревоге в ружье и брошены на выручку наших солдат, попавших в западню. И все-таки 17 человек в тот день положили. Жертвы могли бы быть больше, но подполковник Янбахтин догадался отвести машины и солдат за сопку, и пока «катюши» и танки утюжили хунхузов, наши укрывались за перевалом.

Окончание этой истории трогательно, но вместе с тем правдоподобно: командир полка, когда закончилась эта ночная заваруха, были сочтены жертвы и состоялось торжественное построение полка, вызвал перед строем старшего сержанта Анатолия Москотина, поцеловал его, от лица всего полка поблагодарил за безупречную службу, снял со своей груди орден Красного Знамени и прикрепил на гимнастерку Москотина. Естественно, что никаких именных документов на эту награду у Анатолия Андреевича не оказалось. Но сам факт, сам жест и атмосфера тех лет (кто-то скажет – энтузиастическая, а кто-то – демагогическая) – очень хорошо в этом эпизоде высвечены. Военачальники любили подчас подчеркивать приоритет солдатской службы (что не мешало режиму обрушивать на народ тяжелые репрессии).

Алексей ИВИН
(очерк не публиковался)

3. Уроки земства

Говорят, новое – это хорошо забытое старое. В связи с нынешними проблемами местного самоуправления поучительно, например, заглянуть в историю пореформенной России, когда после освобождения крестьян начали поговаривать – и кое-что делать – для улучшения жизни на местах. Потому что власть тогда, как и сейчас, обнаруживала больше рвения к устройению собственных дел, нежели общественных.

До реформы 1861 года все органы местного самоуправления носили сословный характер. По освобождении крестьян появилась потребность в органе, который бы занимался оживившимися местными нуждами. 1 января 1864 года было опубликовано «положение о губернских и уездных земских учреждениях». Согласно ему, помимо дворянского собрания – официальной тогдашней власти – создавался новый орган самоуправления – уездное земское собрание, сроком на три года. Представительствовали в нем: 1) местные землевладельцы; 2) крестьянские общества, выдвинутые из крестьян; 3) горожане (купцы, фабриканты, мещане). Руководил всем этим делом, конечно же, уездный предводитель дворянства, который опасался, как бы из-за демократизации не пошатнулись его твердыни. Уездное земское собрание, в свою очередь, избирало земскую управу (председателя и 6 членов; членов могло быть и меньше) и «земских гласных».

Этот экскурс в историю нам нужен, чтобы в условиях нынешнего движения за территориальное самоуправление не изобретать велосипед, а может, кое-что и позаимствовать из прошлого.

Вот что было в компетенции земства: собирать деньги на местные нужды, заведовать земским имуществом и капиталом; смотреть за дорогами; надзирать за «мерами обеспечения народного продовольствия»; развивать местную торговлю и промышленность; заниматься благотворительностью, то есть богадельнями и т.п.; взаимное страхование имущества; «попечение о народном образовании»; «попечение о народном здравии»; меры по охране скота от падежа и болезней; содействие воинским и гражданским властям в их предприятиях; обращение непосредственно к государю и в Сенат о местных пользах и нуждах.

Вы спросите, а что же в таком случае делало дворянское собрание, законная власть? А вот в том-то и дело, что по этому либеральному закону оно фактически оказывалось устраненным от управления вотчинами, разве что пыталось выгородить помещиков в их тяжбах с обнаглевшими крестьянами да держало связь с губернией и столицей. То есть, вся полнота власти сосредотачивалась в руках этой низовой организации. По крайней мере, таков был благородный замысел Царя-Освободителя. Но поскольку курировали этот орган местного самоуправления помещики и дворяне, проживавшие в губернских городах и столицах, во всяком случае, в зимнее время, то и выдвигали они в земское собрание своих надежных людей.

Но как говорил незабвенный Виктор Степанович Черномырдин, «думали сделать как лучше, а получилось как всегда». Он-то говорил применительно к своему правительству, ваучеризации, приватизации и прочим либеральным веяниям. Но оказывается, что и в XIX веке этот закон срабатывал. Потому что уже в 1870 году помещики и богатые люди стали выражать недовольство активностью низов. На что, думаете, тогда ссылались? На то же самое. На то, что дублируются полномочия: мол, земцы стремятся отнять наши права, наши функции, отменяют или повторяют наши указы и распоряжения. Как поется в другой песне другого неза-

бвенного человека – Б.Ш.Окуджавы, «а пряников мятных всегда не хватает на всех». Местная власть, вынужденная делить один пирог с земством, понятно, запротестовала.

В результате в 1890 году состоялась контрреформа. Большинство прав, провозглашенных в 1861—1864 годах, были у земства отняты в пользу местных администраций. И это притом, что губернаторы и министерство внутренних дел и прежде имели право отменять решения земских собраний.

Так что вся деятельность низовых организаций (органов территориального самоуправления, по-нашему) свелась к организации и управлению народным здравоохранением и народным образованием. А в XX веке начала развиваться также и земская агрономия. То есть, врач, учитель, агроном – вот три представителя народа, точнее, разночинной интеллигенции, которых, можно сказать, выпестовало российское земство.

А теперь взгляните на тот список компетенций, который приведен выше. Много ли осталось? Только известные нам по художественной прозе, чеховские, вересаевские, булгаковские земские врачи, учителя, мелкие землевладельцы, участники «хождения в народ».

И, тем не менее, к 1914 году земские собрания, управы, гласные действовали в 43 губерниях России. И польза, хозяйственная, законотворческая, просветительская, от земских организаций была огромна. Коллективные адреса императору, ходатайства перед правительством, проведение нелегальных собраний и съездов, издание за границей брошюр и статей. Словом, земство очень много сделало для развития в России демократических свобод. Хотя собрания и союзы при автократическом правлении были запрещены, со временем все же возникли «Беседа», «Союз земцев-конституционалистов», «Союз освобождения», из которых в период революции 1905—1907 годов созданы были партия октябристов и партия кадетов. А как известно из истории, эти партии составили достойную конкуренцию большевикам в борьбе за власть в период между двумя революциями.

Вы спросите, а что же в Киржаче в этот период – с 1864 по 1917? Как потрудились наши местные земцы, кто они, какой след оставили?

Кое-что в местных архивах удалось найти.

В «Военно-статистическом обозрении Российской империи» в разделе по Владимирской губернии вот что говорится о Киржаче по состоянию на 1854 год. Заштатный город Киржач имел казенных каменных домов 31, деревянных 14, общественных каменных 30, деревянных не имел, частных каменных не имел, а частных деревянных – 255. В черте города было свыше 83 десятин обработанной земли, еще 2087 занимали выгоны и пастбища, функционировал один-единственный (и то с 1865 года) медно-латунный завод, занимавший 9 десятин и принадлежавший московской помещице. Городской доход (надо думать, годовой) составлял 1056 рублей 91 копейку серебром. Правда, завод производил продукцию на 88 с половиной тысяч рублей, но только делилась ли с городской казной своим доходом помещица? «Ни больниц, ни других благотворительных заведений нет», сообщает обозрение; зато имелись трактир, два винных погреба, два питейных дома. Нисколько не меньше, чем теперь.

Вот с таким наследством столкнулись киржачские земцы, когда им разрешено было проявить инициативу. Надо отметить, впрочем, что в Киржаче ежегодно проводились пять ярмарок, соотнесенных с пятью религиозными праздниками, – Благовещенская, Троицкая. Спас-

ская, Крещенская и Сергиевская, и большие денежные поступления в местную казну были, очевидно, с них. 17 ноября 1893 года была пущена ветка Московско-Ярославской железной дороги от ст. Карабаново до ст. Киржач. Новый импульс цивилизации городу, в котором проживало одних только купцов 75, был дан.

Однако если вы думаете, что земцы к тому времени, то есть к 1893 году, обладали большой силой или даже свалили местную администрацию, то вы заблуждаетесь. В городской управе в то время заседал городской голова Карабанов Алексей Дмитриевич (сходство фамилии мэра с соседним городом, надо думать, было не совсем случайным, хотя понятно, что город возник и был назван прежде, чем появился в Киржаче голова с такой фамилией). Ситуация для киржачских земцев благоприятствовала в том смысле, что А.Д.Карабанов происходил из купеческого сословия, а дворянином не был. И его люди, заседавшие в управе. В местных учебных заведениях (Селивановское приходское училище, например, опекал опять-таки купец – М. Я. Деревщиков), в страховой конторе, у благочинного, в монастыре, на почте, были вполне ему подотчетны. Сословный характер власти, несмотря на крестьянскую реформу и проповеди социалистов, сохранялся. И борьба с земством к тому времени, судя по статистическим отчетам 1895 года, носила уже необратимый характер. Можно даже сказать, после революции наступила реакция.

Во всяком случае, ненавистное слово «земский» в официальной отчетности городской управы было упомянуто лишь раз: когда речь зашла о больницах. Меня особенно умилил тот факт, что почтой и телеграфом заправлял коллежский асессор Гревский С. Г., податной инспекцией (то есть сбором налогов) – титулярный советник Любский С. Е., врачом при фабриках состоял (и вероятно, пользовал самого Карабанова) врач и надворный советник Никольский И. П.... а земской больницей заведовал «не имеющий чина» Серей Дмитрич Банин. Не дослужился, бедняга. Вот он-то, вместе с акушеркой А.Ф.Поспеловой и фельдшером В.С.Еловым, и был одним из немногих представителей земства в Киржаче. Купцы, священники и судейские крючки кормились от общественного пирога, а эти бескорыстно или за малую мзду лечили крестьян и мещан. И дела их, зафиксированные в местной истории, были на первый взгляд маленькие и незаметные: о переводе киржачского земского фельдшера в Финеево, об открытии фельдшерского пункта в Овчининской волости, об уточнении сметы за лечение в земских больницах, об учреждении двух новых врачебных пунктов, о бесплатном отпуске лекарств для бедных...

Много ли украдешь, если служишь бедным? Вот точь-в-точь, как и ныне: на культуру, здравоохранение и образование – сколько останется денег, а московским дачникам, коммерсантам с юга и сомнительным прохиндеям – наше почтение.

Так какие же выводы можно сделать из уроков прошлого? Из того, например, каким мыслилось и во что выродилось земство? Потому что нынешнее территориальное самоуправление, движение партий и предпринимателей хотя еще только зарождается, а уже в условиях ничуть не лучших, чем земство в 1893 году.

Чтобы деятельность органов местного самоуправления не ограничивалась обочиной гражданской жизни (починить рухнувший забор, вырыть колодец поможет и ЖЭК, крытую автобусную остановку установит и автоинспекция), нужно использовать всю полноту конституционных прав и свобод. А они на местном уровне достигаются объединением демократических сил, заинтересованных в процветании Киржача, и во-вторых, настойчивой секуляри-

зацией власти. Потому что монополия на власть, а тем более закрытость ее распоряжений препятствуют развитию демократии на местах.

Алексей ИВИН
(очерк не публиковался)

4. Хронограф

Коломенский альманах: Литературный ежегодник. – Вып.9. – Коломна: Коломен. гос. пед. ин-т, 2005. – 480 с., ил, тир. 1000 экз.

Редкий случай: провинциальное издание продолжает выходить, помещает почти исключительно патриотичные материалы и с каждым выпуском становится интереснее. И это при том, что большинство статей прочно привязаны к местной истории, сиречь к краеведению. Правда, как и в случае со знаменитым тарусским альманахом, общественно значимым его делают все же ангажированные авторы и мощная редколлегия, а реальным – помощь спонсоров-коломенцев.

В этом выпуске. В связи с 60-летием Победы, альманах открывается сильными военными рассказами В. Астафьева, М. Маношкина и В. Ковалева, а продолжается не менее замечательными небольшими повестями Виктора Мельникова, редактора альманаха, и С. Малицкого. Из трагедийной военной истории переброшен мост к абсурдной современности. Как в немецком тылу пытали жаждой или как штрафники брали укрепленную высоту – это не менее исторично и страшно, чем наступать дважды на одни и те же грабли, как делает герой Мельникова, или умирать одному в пустой деревне, как старик Малицкого.

Но это – художественная ткань сборника. Когда же последующие авторы обращаются к историографии – возвышению Московского княжества и его борьбе с Ордой, – народолобие издания становится очевидно. Исторические работы А. Мазурова о Куликовской битве, И. Князького – о взаимоотношениях с распадающейся Ордой, увлекательное расследование Вадима Дементьева или «сердечный» рассказ И. Ракши «Коломенская невеста» – о первых годах Михайло Романова на царстве – возбуждают здоровый читательский интерес именно к этому месту Московского княжества, к Коломне. Не только князьки и святители, но и холопы заслуживают нашего внимания; все они повязаны временем и им отодвинуты в прошлое; это и есть цивилизация в действии, отечественная история.

Особо выделяется в сборнике большое эссе Вл. Бондаренко, касающееся жизни и творчества И. Бродского. Здесь известный критик, что называется, расписался вовсю, явив лучшие черты своего стиля: честность, прямоту, искренний интерес к талантливым людям, ум и горячие национальные чувства. Стоит ли еврея делать русским гением? Да вот, оказывается, стоит, потому что в искусстве, как и в религии, нет ни эллина, ни иудея. Бродский в архангельской ссылке и в своем чувстве к Басмановой одухотворен как-то очень уж по-русски, но ведь он и впрямь хорошо выразил свои чувства русским языком, – разве не так?

Архитектору М. Ф. Казакову и художнику А.В.Куприну (родственнику писателя) посвящены два других очерка. Вообще, составлен сборник продуманно и полно – должно быть, потому, что он – ежегодник.

Алексей ИВИН

(опубликовано в «Литературной газете»)

5. На берегах Днестра

Приднестровье. XX век: Сборник/ составитель Р. Р. Кожухаров, художник Ю.И.Салко. – Тирасполь, 2005. – 336 с., ил.

Приднестровская молдавская республика образовалась уже лет пятнадцать назад, одновременно с некоторыми другими государствами на территории бывшего СССР. Не время и не место сейчас выяснять, почему в отличие от других государственных образований это, расположенное в бассейне Днестра, на стыке и на границе Молдавии и Украины, так и не получило официального признания. Автор предисловия, по-моему, вполне убедительно указывает на геополитические особенности Приднестровья как места, где пересекаются две координаты – романского и славянского мира. Заложенная графом Суворовым-Рымникским, Тираспольская крепость стала южным форпостом пышной екатерининской эпохи.

Важно другое: эта республика существует, имеет многовековую историю, уже новую, пятнадцатилетнюю, в составе СНГ и, естественно, свое искусство, свою литературу. Главной целью составителя было «представить авторов, чья жизнь и судьба не только переплелись с приднестровской землей кровными узами родства или фактами биографии, но чье творчество повлияло на становление духовного пространства Приднестровья и Новороссии». В сборнике в разделе «Литература» опубликованы стихи и рассказы 57 авторов, в искусствоведческом разделе – статьи еще шестерых, которые касаются живописи, монументалистики и театра. Таким образом, представлен весь XX век, дана некая убедительная дополнительная литературно-художественная заявка на признание государственности.

Естественно, взоры многих авторов обращены в прошлое. О судьбе Сергея Александровича Пушкина, который так же, как и сам поэт, был связан с Молдавией и Тирасполем, рассказывает в своем исследовании «Навеки корнет» Владимир Полушин в главе из своей книги: потомок поэта покончил жизнь самоубийством из-за трагической любви. А открывают сборник революционные стихи известного имажиниста Владимира Нарбута. Любопытна в художественном отношении проза двух болгарских представителей местной диаспоры – Георгия Стаматова и Думитру Милева. Образцы лирики Константина Кошэрэу, Галины Гурски. Леонида Корняну. Петра Дариенко и Николае Пуркану даны на молдавском языке, без перевода. Не думаю, что таким образом удалось явить национальные особенности поэтов, но можно понять и положение составителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.